

К. Биркин

**Временщики и фаворитки
XVI, XVII и XVIII столетий**

Книга II

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
К11

К11 **К. Биркин**
Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий: Книга II / К. Биркин –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 235 с.

ISBN 978-5-4241-1383-3

В книге рассказывается о людях, волею судеб оказавшихся приближенными к царствовавшим особам русского и западноевропейских дворов XVI - XVIII веков - временщиках, фаворитах и фаворитках, во многом определявших политику государств.

ISBN 978-5-4241-1383-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© К. Биркин, 2021

Кондратий Биркин

Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий

Книга II

«Временщики и фаворитки» — трилогия К. Биркина (псевдоним известного в прошлом веке историка П.П.Каратыгина). В ней рассказывается о людях, волею судеб оказавшихся приближенными к царствовавшим особам русского и западноевропейских дворов XVI—XVIII веков — временщиках, фаворитах и фаворитках, во многом определявших политику государств. Эта книга — о значении любви в истории. ЛЮБОВЬ как сила слабых и слабость сильных, ЛЮБОВЬ как источник добра и вдохновения, и ЛЮБОВЬ, низводившая монархов с престола, лишавшая их человеческого достоинства, ввергавшая в безумие и позор.

ЭРИК XIV, ИОАНН III КОРОЛИ ШВЕДСКИЕ

ИОРАН ПЕЭРСОН, — КАТЕРИНА МАНСДОТЕР. — ГУНИЛЛА

БИЭЛЬКЕ

(1560–1592)

Пословицы — звонкая ходячая монета, пущенная в обращение народной мудростью, не всегда соответствующая своей нарицательной стоимости. Иная поговорка, переходя из века в век, от одного поколения к другому — подобно истертой монете, давно утратила вес, т. е. смысл, однако же не изымается из обращения и ходит по белому свету, так сказать — по старой памяти. К немало-му числу таковых принадлежит следующая: «Яблоко от яблони недалеко укатится!..»

Не совсем справедливая даже в буквальном смысле, эта поговорка положительно лжива и нелепа в смысле переносном, чтобы не сказать — и вовсе бессмысленна. Самым непобедимым опровержением ей служит всемирная история. По вышеприведенному народному афоризму дети всегда наследуют добродетели или пороки своих родителей... но так ли оно на самом деле? Кому из нас не случилось и не случается встречать, чуть не на каждом шагу, исключение из правила, в лице добрых и честных людей, родившихся от злых и нечестных или, наоборот, отъявленных негодяев, у которых отец и мать достойнейшие люди! Возьмите любую биографию знаменитого ученого, даровитого художника, поэта, полководца, законодателя и обратите внимание на его происхождение: ученый всего чаще — сын безграмотного невежды, художник — сын ремесленника, поэт — мясника, полководец — земледельца, законодатель — мошенника... В том-то и сила, что люди не яблоки, а поговорки — не аксиомы! Посмотрим на этот вопрос с другой стороны: наследуют ли дети дарования родителей? И тут поговорка оказывается не менее лживою и того более достойною названия фальшивой монеты: ни один великий человек в мире не завещал своим детям ни своих дарований, ни гения; наследуя славу отца, дети гениальных людей никогда не выходят из златой посредственности, всего же чаще — из ничтожества. Примеров — тысячи, но они особенно многочисленны в преемниках великих государей. Кир и Камбиз, Марк Аврелий и Коммод, Феодосии и Аркадий, и Гонорий, Карл Великий и Людовик I, наш св. Владимир и его преемники — все это отцы и дети, первые — слава, вторые — ничтожество. Мы взяли примеры из слишком далекой старины, но есть много и не таких давних укажем на Ивана

ВРЕМЕНЩИКИ
И
ФАВОРИТКИ

XVI, XVII и XVIII

СТОЛЕТИЙ

Сочинение
Кондратія Биркина

Том II

МОСКВА

Издательский Дом

1992

Грозного и Феодора¹ Ивановича, на Петра Великого и сына его Алексея Петровича, на Наполеона Первого и на герцога Рейхштатского — а с ним и на всех потомков семейства Бонапарте. Здесь яблоки куда далеко укатились от яблони!

К числу подобных живых опровержений нелепой поговорки принадлежат герои настоящего нашего рассказа — сыновья Густава Вазы Эрик и Иоанн, один за другим наследовавшие отцовский престол. Первый воскресил в своей жалкой личности черты не Густава Вазы, но заклятого врага великого освободителя Швеции страшного Христиерна II, и до такой степени, что биография его кажется снимком с биографии тирана датского.

Эрик, сын Густава Вазы и Катерины Лауэнбургской, родился 15 декабря 1533 года и в детстве обнаружил много ума и богатых способностей, развитых превосходным воспитанием. Достигнув лет юности, Эрик начал вникать в ход государственных дел, внутренних и внешних, обращая особенное внимание на быт народный, прилагая по мере возможности все старания к его изучению. Теплое сочувствие молодого принца к простому народу снискало ему искреннюю любовь последнего и ненависть дворянства. Став, таким образом, между двух огней, Эрик почувствовал первые признаки того морального недуга мизантропии, которыми страдали Христиерн II, Карл IX, Иван Грозный, недуга особенно страшного в государях. Он сделался угрюм, задумчив; начал чуждаться общества и относиться ко всем окружающим с крайним недоверием. По целым дням, преимущественно в унылую осеннюю пору, Эрик бродил по окрестностям столицы, находя особенную прелесть в шорохе блеклой лесной листвы, в завываньях вечернего ветра, заволакивающего тучами холодное, северное небо. Будь он поэтом, Эрик, вдохновляемый этой обстановкой, писал бы элегии; композитором — он переложил бы на ноты дикие мелодии осени, художником — он передавал бы полотну бледные красоты умирающей природы. Тогда меланхолия принца снискала бы ему хоть славу скромного артиста... но не глазами артиста смотрел Эрик на мир Божий, а меланхолия побуждала его не к творчеству, а к разрушению. В долгие часы бессонницы Эрик мечтал о женщине, объятия которой могли бы служить ему наградой за все страдания его юной души; о женщине, которая могла бы одним своим словом направить, может быть, на добрую дорогу могучие душевные силы бедного меланхолика. Мечты оставались мечтами; в толпе придворных красавиц не нашлось ни одной, которая хоть бы несколько приближалась к идеалу, созданному больным воображением Эрика. До времени отложив поиски предмета любви, принц ощутил иную потребность — дружбы. Из трех братьев, сыновей Густава Вазы от второго брака его с Маргаритою Лейонховуд, ни один не только не сходился характером с Эриком, но все трое были в неприязненных отношениях к нему. Источником неприязни братьев было чувство, побудившее Каина умертвить Авеля, т. е. зависть, зависть обоюдная. Эрик обижался на отца за любовь к сыновьям от второго брака, за предоставленные им обширные права и титулы; Иоанн и Карл, в свою очередь, не могли примириться с мыслью, что придет время, когда они принуждены будут склонить головы перед старшим, сводным братом и признать его своим государем, а себя его подданными. Образовались при дворе две партии' большинство вельмож приняло сторону Иоанна финляндского и Карла, герцога Зюдерманланда, народ стоял за интересы Эрика... Душою этой народной партии был друг наследника престола, Иоран Пеэрсон, человек низкого происхождения, лестью и пронырствами, а главное —

угодливостью страстям Эрика сумевший овладеть его волей, «околдовавший» принца и во все продолжение его царствования игравший при нем роль демона-искусителя. Пеэрсон убедил Эрика, что всеобщий страх и ужас должны быть надежнейшими опорами власти королевской; что кровь и слезы — прочнейший цемент государственного здания и наилучшая смазка механизма правительственной администрации. «Быть недоверчивым на словах, — говорил Пеэрсон, — этого недостаточно. Недоверчивость в короле должна проявляться на деле. Навлекший на себя подозрение государя, хотя бы неосновательное, должен быть непременно заточен в темницу, даже предан казни. Если впоследствии окажется, что он был невинен, этим возмущаться нечего: казнь одного невинного нагонит ужас на сотни виноватых!»

Эти гнусные правила, внушаемые Пеэрсоном Эрику, были семенами зла, падавшими на восприимчивую почву, и деспотизм был предначертанной программой царствования будущего преемника Густава Вазы. Всмотриваясь в государственный строй многих европейских королевств, Эрик видел, как бы в подтверждение наставлений своего любимца, что благоденствуют и славятся могуществом преимущественно те государства, в которых власти держат своих подданных в постоянном страхе и не дают воли олигархам. Такова Испания под скипетром Филиппа II, Турция под владычеством Солимана, Великобритания под железной рукою Генриха VIII и достойной его дочери Елизаветы. Дочь Генриха VIII особенно обратила на себя внимание принца Эрика, и к ней чувствовал он — не говорим симпатию, этого мало, но самую пламенную, страстную любовь, выразившуюся, наконец, формальным сватовством (см. кн. I). Мысль соединить со своей державою королевство шведское льстила самолюбию Елизаветы, но, подчиненная могучему влиянию графа Лейчестера, она, уклоняясь от прямого ответа на предложение Эрика и поддерживая в нем надежду, вела очень любезную переписку; словом — кокетничала, придерживая принца шведского в запасе. Надеясь, что личное его свидание с Елизаветою уладит все дело, Эрик решился отправиться в Англию, но возвратился с дороги при получении известия о близкой кончине Густава Вазы 29 сентября 1560 года.

Восшествие Эрика на престол обошлось без кровавых столкновений партий, народной и олигархической. Как бы в доказательство своей приязни к последней Эрик вскоре после коронации своей в Упсала выдал указ об учреждении еще не бывалых в Швеции званий — графского и баронского. Принцы Иоанн и Карл, покоряясь необходимости, выказали королю Эрику совершенное повиновение; вельможи, позабыв недавнюю кичливость, смиренно преклонились перед ним — и тем только пуще прежнего распалили ненависть и недоверчивость короля. До времени, однако же, они не проявлялись в ужасающих формах; Эрик еще настолько владел собою, чтобы выказывать братьям своим и вельможам более или менее притворную благосклонность. Приспешники Пеэрсона, теперь могучего временщика, усердно исполняя мерзкую роль шпионов и наушников, следили за принцами и их приверженцами. После неудачно возобновленной попытки жениться на Елизавете английской Эрик обратился с предложением своей руки к нескольким другим принцессам, и также безуспешно. От невест из владетельных домов, умышленно миновав шведскую знать, король снизошел к демократии и избрал себе в подруги жизни девицу из народной среды в лице Катерины Мансдотер, дочери простого капрала. Этот выбор был первым ударом,

который был нанесен Эриком ненавистному для него дворянству, а вместе с тем и обоим братьям герцогам. Вопрос о женитьбе короля был отдан на обсуждение государственных штатов. После непродолжительных прений, несмотря на оппозицию аристократической партии, штаты одобрили выбор королевский, изъявив на бракосочетание Эрика полнейшее согласие. Смеясь над бессильной злобою вельмож, король повел свою избранницу к брачному алтарю и потом не мог скрыть своего удовольствия, видя, как знатнейшие дворяне, их жены и дочери преклонялись пред королевою, солдатской дочерью. К чести Катерины Мансдо-тер, спешим заметить, что она во всю свою жизнь оправдывала выбор короля, оказываясь вполне достойною прекрасными душевными качествами той высоты почестей, на которую ее вознесла не столько любовь к ней Эрика, сколько ненависть его к аристократии. Шпионы Пеэрсона довели до его сведения, что Иоанн, герцог финляндский, вместе со своей супругою Катериною Ягеллон и многими приверженцами умышляют на жизнь короля и королевы. Верный инструкция Пеэрсона, Эрик не трудясь исследовать, до какой степени основательны обвинения, заточил герцога Иоанна и жену его в темницу...

Тайком от мужа королева Катерина навещала узников и, чем только могла, старалась о смягчении их участи. Это благородство дочери народа — черта высокая, прекрасная, за которую потомство обязано дать грамоту на королевское достоинство морганатической супруге короля шведского, простушке Катерине. Независимо от родственного попечения о герцоге Иоанне и жене его, Катерина была постоянным ходатаем перед Эриком за всех тех, на которых более или менее падал несправедливый гнев короля. В те дни, когда он, подобно царю Саулу, страдал припадками меланхолии, Катерина, подобно Давиду, утешала его, всегда находя в своем добром, любящем сердце ласковое, утешительное слово упования на милость Божию, и теплые непритворные слезы участия были целебным бальзамом для страждущей души Эрика. Катерина была его ангелом-хранителем; Пеэрсон — демоном, и его влияние, к несчастью, было сильнее на короля, нежели влияние на него королевы. Войны с Данией и Польшей, прославившие шведское оружие на суше и на море, имели следствием присоединение к державе Эрика XIV значительной части Эстляндии. По заключении мира, невыгодного и непрочного, Эрик, приняв во внимание ходатайство своей супруги за Иоанна финляндского, намеревался дать ему свободу, чему воспротивился Пеэрсон, всячески поддерживавший вражду между королем и обоими герцогами.

— Ни на минуту не забывайте, государь, — нашептывал он королю, — что, помиловав герцога, вы поменяетесь с ним местами: он заточит вас в темницу и сядет на престол. Не увлекайтесь неуместной жалостливостью, будьте неизменно тверды и непреклонны; не помилования, а смертные приговоры должны исходить из ваших уст; внутренним врагам вы обязаны быть грозою, а не теплым дождем или сиянием солнечным...

Подстрекаемый временщиком, король в 1567 году созвал государственную думу (штаты) в Упсала для обсуждения вопроса о наказании дворян, замешанных в деле Иоанна, герцога финляндского. При всей своей готовности угождать королю штаты признали мнимых заговорщиков невинными, ссылаясь на недостаток улик. Эрик XIV при чтении ему решения государственной думы был сам похож на подсудимого, слушающего свой смертный приговор. Бледный, с помутившимися глазами, дрожащий всем телом, он хрипло шептал: «Невинны?

невинны?!»

— Да, государь, — подтвердили члены, принимая болезненное состояние Эрика за раскаяние. — Казнить узников было бы делом, противным закону и справедливости.

— Я же вам докажу закон и справедливость!! — крикнул король, опрокидывая кресло и опрометью бросаясь из залы заседания.

Никого не слушая, требуя от всех безусловного себе повиновения, король, сопровождаемый своими драбантами, отправился в темницу, приказав спутникам резать заключенных в ней вельмож... Драбанты повиновались. Как бы им в поощрение король, вбежав в каземат Николая Стурре, сына славного сподвижника Густава Вазы, собственноручно нанес ему две раны кинжалом и, видя, что узник только ранен, крикнул своему слуге:

— Чего же ты стоишь разинув рот! Дорезывай!!

Верить ли летописям (хотя, сказать по правде, и не верить не видим никакой причины): во время этого припадка бешенства Эрик, приказов вырыть из могилы труп какого-то знатного сановника, бросился на него и грыз» его зубами!.. До этого не доходил *даже* и наш Иван Васильевич Грозный; впрочем, у него не переводился запас свежинки и он не нуждался в мертвечине.

Нам скажут в защиту Эрика XIV, что он был мономан и резня заключенных не что иное, как припадок бешенства... Согласны, это так; но зачем же мономану было садиться на престол королевский и жить во дворце, когда ему следовало сидеть в доме сумасшедших?

Нет сомнения, что Швеции было бы несравненно лучше, если бы вместо порфиры на сыне Густава Вазы была надета укротительная рубаха, а на голове вместо короны лежали ледяные компрессы.

Погасив пламень бешенства в невинной крови, король бежал за город и четыре дня скитался по полям, разговаривая сам с собою, отгоняя следовавших за ним придворных... На пятый день, изнуренный голодом и усталостью, он согласился вернуться в Упсала, и, едучи шагом в колымаге, он погрузился в глубокое раздумье, потом — залился слезами. Это был кризис; вскоре лицо Эрика прояснело, в глазах засветилась искра мысли и человеческого чувства; в слабом, дрожащем голосе слышались звуки ласки и нежности. Выражая искреннее раскаяние в напрасной жестокости, король приказал немедленно освободить из темницы Иоанна финляндского и его супругу; Пеэрсона изгнал, воспретив ему под опасением смертной казни являться ему, королю, на глаза. Добрая королева со слезами радости благодарила Бога за чудесное перерождение своего мужа, и если бы младшие сыновья Густава Вазы имели хоть сотую долю благородства чувств королевы Катерины — выздоровление Эрика XIV было бы упрочено, а с тем вместе упрочено было бы и счастье государства... К сожалению, вышло иное.

Супруга Иоанна, надменная Катерина Ягеллон, в стенах темницы дала клятву мстить королю и его супруге. Последней надменная польская княжна не могла простить, во-первых, ее сострадания к ней, узнице, а во-вторых, ее исповедания ереси лютеранской. В бытность в темнице Катерина Ягеллон целовала руки доброй королевы, плакала перед нею, благодарила за милость: теперь, освобожденная, она готова была собственноручно задушить недавнюю свою благодетельницу не за ее благодеяния, разумеется, а за то, что она королева. Катерина Мансдотер, дочь простого солдата, осмеливалась унижать своим сожа-

лением и милостями — кого же? — княжну Катерину Ягеллон! Смиренная и покорная в темнице, жена Иоанна финляндского гордо подняла голову на свободу, будто львица, выпущенная из клетки. Не стоило ей никакого труда уговорить бесхарактерного Иоанна вступить в тайный союз с Карлом зюдерманландским для свержения Эрика XIV с престола. Наученный горьким опытом осторожности, Иоанн на этот раз вместе с Карлом вел заговор очень искусно, облекая его непроницаемой тайной; аристократия, не возлагая особенных надежд на прочность доброты недавнего антропофага-короля, присоединилась к заговорщикам...

Невзирая на строгое запрещение возвращаться в столицу, опальный временщик Пеэрсон смело явился к Эрику и, не преувеличивая угрожающей ему опасности, рассказал обо всем, что мог узнать касательно заговора — на этот раз невымышленного. Наградой доносчику было возвращение ему всех отнятых милостей и теперь удвоенного доверия.

— Прав ли я был, предостерегая вас, государь, от помилования герцога Иоанна?

Эта фраза, ежедневно повторяемая Пеэрсоном, была моральной цепью, которую он крепче прежнего приковал к себе короля. Руководя Эриком, временщик мог бы отстранить от него роковую катастрофу, если бы действовал осмотрительно, стараясь привлечь к королю приверженцев, а не отвратить от него последних, и без того немногих: тирания может *скрутить*, но не *привязать*; где потребны узы любви, там менее чем где-нибудь у места кандалы и колодки.

— Входить в переговоры с герцогами Иоанном и Карлом, — внушал Пеэрсон королю, — напрасная трата времени, которая может только ускорить ваше низвержение. Отстаивать вашу корону мечом вы не в силах, и потому всего лучше вместо меча пустить в ход кинжал, пистолет наемника или яд, которым не брезгует итальянская политика... Братоубийство — грех, но уничтожение двух заговорщиков дело необходимости и дело честное!

Эрик не противоречил, и участь герцогов была решена, но и они не дремали. В сентябре 1568 года армия мятежников двинулась к Стокгольму, овладела им и обложила Упсалу, где скрывался Эрик XIV. Лишенный возможности силою отразить братьев, он вступил с ними в переговоры. Требования Иоанна и Карла нетрудно было отгадать: обещая Эрику пощаду жизни, они назначали ее ценою выдачу Пеэрсона и уступку короны Иоанну, герцогу финляндскому. Эрик не прекословил, и временщик, выданный герцогам, был колесован; но расстаться с ним было королю не так тяжело, как отречься от короны, и он медлил исполнением второго требования братьев... Жители Упсала, вместо защиты города от вторжения мятежников, готовились впустить их без боя; Эрик скрылся в соборе, потом заперся во дворце; из дворца опять бежал в собор... он окончательно растерялся, а войска герцогов между тем заняли город. Схваченный в соборном храме, Эрик умолял единственно о пощаде и, испивая чашу унижения до последней капли, тут же принес торжественное покаяние во всех своих преступлениях, сложил корону, передав ее из рук в руки герцогу Иоанну, и признал его своим законным государем (28 сентября 1568 г.). Бывший узник, теперь король Иоанн III, находя унижение развенчанного Эрика еще недостаточным, стал издеваться над ним, укоряя не за злодейства, но за причину их — безумие.

— Твоя правда, — твердо отвечал Эрик, — я был действительно безумцем и

именно в тот день, когда дал тебе свободу!

Торжественно объявив Эрика лишенным престола, а сына его Густава лишенным прав престолонаследия, Иоанн III заточил бывшего короля в темницу, дав тайное повеление тюремщикам обходиться с узником сколь возможно строже и грубее. Чтобы лишить Эрика всякой надежды на бегство, его ежегодно перевозили из одной тюрьмы в другую, одну другой хуже. Грезилось ли когда Иоанну, сидевшему в темнице, попасть на престол, а теперь, сидящему на престоле, являлась ли хоть в сновидении мрачная келья и в ней на соломе, в жалком рубище его брат и бывший государь Эрик XIV? А великолепная Катерина Ягеллон, эта милосердая дочь единоспасающей церкви, хоть в досужную минуту, вспоминала ли о другой Катерине, бывшей королеве?.. Вспоминала и довольно часто затем, чтобы к претерпеваемым узницею страданиям придумать какие-нибудь новые, еще не изведенные ею. Супруга Эрика, в темнице своей более королева, нежели в бытность свою на престоле, переносила свой жребий с великодушием мученицы. Она имела твердость скрывать от мужа свои слезы и преодолевать свои страдания, чтобы он, глядя на нее, от своих страданий не терял энергии, не упал духом. Она внушала ему мысли о Боге; она научала Эрика перелгать свои вопли и стенания в молитвы, и эти песнопения короля-узника доньше сохраняются в устах народа шведского, будучи включены в его молитвенник...

Иоанн III, новый король шведский, — существо злое, низкое и бесхарактерное, — был покорнейшим слугою обеих своих жен, первой — Катерины Ягеллон, второй — Гуниллы Биэльке, и в угоду им вмешивался в дела церковные, сначала пытаясь ввести католицизм, а потом преследуя католиков в угоду лютеранам. Катерина Ягеллон, ревнуя о спасении души своего супруга, о благе Швеции, но еще того более о пользах его святейшества папы, уговорила Иоанна сделать кой-какие исправления в литургии по обряднику римскому. Король повиновался, не обращая внимания на неудовольствие лютеранских епископов и на ропот народный; что же касается до его супруги, она, взяв себе за образец Катерину Медичи, усердствуя об интересах католицизма, была не прочь ввести в Швецию даже необходимую его опору — инквизицию. Намереваясь разрушить дело рук Густава Вазы, Катерина Ягеллон играла в опасную игру, волнуя народные страсти и превращая ропот в явное неповиновение. Воспоминание об Эрике XIV, заживо похороненном в темнице, страшным и грозным для Иоанна призраком воскресло в народе, пробуждая в нем жалость к узнику и мысль о его освобождении. Лучшим средством парализовать заговор, может быть даже мятеж, казалось Иоанну уничтожение их причины в лице Эрика. Девять лет затворничества, сопровождаемого обидами и лишениями, не были приняты в соображение королем Иоанном: «Эрик страдает, но все же еще живет, а куда он жив, мне не будет покоя!» И, заручившись этой мыслью, король приказал отравить своего брата, что и было исполнено 26 февраля 1577 года.

— Цель оправдывает средства! — сказал Иоанну III иезуит Антоний Поссевин, прибывший в тот же самый год из Рима для содействия королю в восстановлении католицизма в Швеции. Не только братоубийство, но сотни тысяч грехов Поссевин готов был опустить Иоанну, лишь бы, в свою очередь, достигнуть своей цели. Однако иезуитские козни встретили могущественный отпор со стороны народа, епископов лютеранских и, самое главное, — Карла зюдерманландского, объявившего, что он в своем герцогстве не допустит ни одного из обрядов

церкви католической... Этим временем скончалась королева Катерина Ягеллон, и в ней иезуитская пропаганда лишилась надежнейшей опоры; Иоанн III не замедлил разладить с католическим духовенством и, руководимый второй своей супругою, Гуниллою Биэльке, обратился к лютеранизму... Будь на ее месте не христианка лютеранского исповедания, но поклонница Магомета или Будды, король шведский не менее усердно старался бы о введении в своем государстве исламизма или буддизма. Что значило бы отступничество пня человека, не задумавшегося над братоубийством?

Бурно было двадцатичетырехлетнее царствование Иоанна III. Заключив мир с Данией, он вел продолжительные войны с Россией из-за Ливонии, окончившиеся миром 1583 года, не водворившим, впрочем тишины в королевстве шведском, в котором начались междоусобия из-за престолонаследия. Не признавая за сыном Иоанна, Сигизмундом прав преемничества (так как он был избран в короли польские) шведский сенат принял сторону герцога Карла зодерманландского... В последние годы жизни король Иоанн впал в тиранию, превзошедшую даже тиранию покойного Эрика XIV. Перед смертью своею он страдал припадками умопомешательства, сопровождавшимися страшными видениями, будто бы (как говорят летописи) вследствие угрызений совести, и скончался в предвкушении загробных мук 17 ноября 1592 года на пятьдесят пятом году от рождения.

Который из двух братьев был хуже, который из сыновей Густава Вазы был недостойнее славного своего отца? Разрешение этих вопросов предоставляем на благоусмотрение читателя.

ЦАРЬ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ

СИЛЬВЕСТР И АДАШЕВ. — ЧЕРКЕССКАЯ КНЯЖНА МАРЬЯ
ТЕМГРЮКОВНА. — ОПРИЧНИКИ. — БАСМАНОВЫ. — МАЛЮТА
СКУРАТОВ. — МАРФА ВАСИЛЬЕВНА СОБАКИНА. — МАРИЯ
ИВАНОВНА ДОЛГОРУКАЯ. — АННА КОЛТОВСКАЯ. — АННА
ВАСИЛЬЧИКОВА. — ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА. — МАРЬЯ
ФЕОДОРОВНА НАГИХ

(1560–1584)

Горе — пробный камень души человеческой и необлужное мерило нравственных сил человека. Под бременем одной и той же скорби один падает, другой даже не поколеблется; этот смиряется пред промыслом Божиим, тот безумно ропщет; иной ищет утolenия скорби в слезах и благотворениях ближним... Бывают и такие люди, которых горе отвергает в омут распутства и злодейств.

Последнее случилось с царем Иваном Васильевичем Грозным² после кончины царицы Анастасии Романовны. Навеки сомкнулись уста кроткой советницы, побуждавшей царя на все доброе и предостерегавшей его от злого; охладела рука, которая вела государя путем правды; померкли очи, взгляд которых имел такое могучее, укротительное влияние на этого грозного царя...

Пропели «вечную память» Анастасии; замерли звуки погребальных колоколов, и несколько дней после кончины своего ангела-хранителя видел царь во всем мире унылую пустыню и горькими слезами оплакивал невозвратную свою потерю и тоскливое одиночество. Вместе с этими чувствами в скорбящей его душе возникло подозрение на окружающих в невероятной вине *изведения лихим зельем покойной царицы*. Не осмеливаясь роптать на Бога, Грозный негодовал на людей;